

Юдин Александр Ильич

П. Л. ЛАВРОВ И Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ: ПОЗИТИВИЗМ И АБСОЛЮТИЗИРОВАННЫЙ РАЦИОНАЛИЗМ

В статье рассматривается критика П. Л. Лавровым с позиций позитивизма идеалистической метафизической системы Г. В. Ф. Гегеля. С точки зрения критицизма и агностицизма Лавров поставил под сомнение претензию гегелевской системы на всеобщность, универсальность, способность познать сущность вещей. Лавров сделал верный вывод о том, что абсолютизированный рационализм ведет к догматизму. Догматизм марксизма логически вытекает из догматизма гегелевского универсализма. Позитивизм Лаврова преодолел тот тупик, в который зашла гегелевская система.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/5-6/45.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 5-6 (84). С. 151-155. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/5-6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

«похитителей»), отдаленно напоминает демонический ореол средневековой мистикой, гонениями ведьм и концепцией пустого тела-сосуда, которое может занять любое существо. Постулируется концепция Ж. Делёза о «теле без органов» [2], что люди – это всего лишь сосуды для чего-то большего, тело – аналог одежды, мундир, который можно носить, менять, стирать. Такой взгляд на телесность связан с обедненным духовным миром человека, когда внешние признаки телесности преобладают над внутренним содержанием и определяют его.

Если говорить в целом о положении тела в современной культуре, то можно выделить следующие особенности: тело – самая показательная, динамичная и изменчивая форма культуры, отражающая все актуальные ее состояния; развитие концепций телесности связано с победой культурного, социального начала в человеке над естественным; трансформация тела – иллюстрация достоинств и недостатков культуры; тело всегда стремится к деформации, чтобы акцентировать внимание на уникальности и совершенстве человека, поиске возможностей продления его существования и проекции будущего.

Преобладание деформированного тела в современном искусстве делает человека более свободным для создания новых культурных ценностей и поиска своей самости.

Список литературы

1. **Вольтер.** Философские сочинения. М.: Наука, 1989. 751 с.
2. **Делёз Ж.** Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
3. **Кант И.** Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. Критика чистого разума. 799 с.
4. **Лейбниц Г. В.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии. 686 с.
5. **Мартынов Ю. С.** Нервные болезни: уч. пособие для студентов мед. институтов. М.: Медицина, 1988. 496 с.
6. **Нанси Ж.-Л.** Corpus. М.: Ad Marginem, 1999. 255 с.
7. **Спиноза Б.** Сочинения: в 2-х т. Изд-е 2-е. СПб.: Наука, 1999. Т. 2. 629 с.
8. **Тимошенко М. А.** Человеческое тело как культурная форма: автореф. дисс. ... к. филос. н. Н. Новгород, 2009. 30 с.
9. **Фуко М.** Забота о себе. История сексуальности. Киев: Дух и литература; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. Т. 3. 288 с.

STRENGTHENING OF BODY PERFECTION EFFECT IN MODERN CULTURE CONTEXT

Shmeleva Natal'ya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
shmelevanv@mail.ru

As a result of culture development the natural body associated with the human's natural inclinations has given way to the cultural body that reflects all the changes of reality and transforms it. The presentation of the body in culture is determined by social, aesthetic, artistic and physical deformations that is dictated by the human's necessity to conceal his/her imperfections, the desire to enhance perfection effect and the search of the new horizons of consciousness.

Key words and phrases: body; transformation; deformation; perfection; cultural norms; culture shock; ideal; cinema.

УДК 1(091)

Философские науки

В статье рассматривается критика П. Л. Лавровым с позиций позитивизма идеалистической метафизической системы Г. В. Ф. Гегеля. С точки зрения критицизма и агностицизма Лавров поставил под сомнение претензию гегелевской системы на всеобщность, универсальность, способность познать сущность вещей. Лавров сделал верный вывод о том, что абсолютизированный рационализм ведет к догматизму. Догматизм марксизма логически вытекает из догматизма гегелевского универсализма. Позитивизм Лаврова преодолел тот тупик, в который зашла гегелевская система.

Ключевые слова и фразы: народничество; антропологизм; критицизм; позитивизм; гносеологический оптимизм; агностицизм; сущность и явление; абсолютизированный рационализм; догматизм.

Юдин Александр Ильич, д. филос. н., профессор
Тамбовский государственный технический университет
ayudin51@mail.ru

П. Л. ЛАВРОВ И Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ: ПОЗИТИВИЗМ И АБСОЛЮТИЗИРОВАННЫЙ РАЦИОНАЛИЗМ[©]

П. Л. Лавров (1823-1900) – выдающийся русский философ, социолог, историк, яркий представитель русского народничества. Свою философскую систему, под влиянием Л. Фейербаха, Лавров называл

антропологизмом, в котором человек как сознательно-целесообразное существо являлся центром построения целостного мировоззрения [4, с. 509-574].

Огромное влияние на Лаврова оказала критическая философия И. Канта. Единственная сила, по мнению Лаврова, являющаяся двигателем исторического прогресса, носителем которой являются критически мыслящие личности, интеллигенция, есть критическая мысль [Там же, с. 408-414].

Лавров воспринял позитивизм как прогрессивную философскую систему, опирающуюся на науку и критическую мысль, он разделял ярко выраженную антиметафизическую позицию позитивизма: никаких недоступных критическому мышлению и эмпирической проверке метафизических сущностей быть не может. Именно с позиций позитивизма и агностицизма Лавров преодолел ограниченность гегелевской системы.

Г. В. Ф. Гегель (1770-1831) – выдающийся философ Нового времени. Новое время прошло под знаком рационализма, что имело огромное прогрессивное значение. Вера в безграничные возможности разума, вера в материальный и социальный прогресс, вера в то, что разум может изменить человека, человеческое общество и, в конечном счете, привести к счастливому будущему. Эта идеология оказала огромное влияние на развитие европейского и российского общества [7, с. 258-266]. Но при этом это логически вело к абсолютизации рационализма. Попытка ограничить возможности разума была предпринята Кантом в его «Критике чистого разума» (1787), но Гегель, преодолев кантовский агностицизм, продолжил победное шествие разума.

Позитивизм, взятый на вооружение Лавровым, выступил с резким отрицанием метафизичности классической философии. Гегель, в отличие от предшествующей традиции, стал трактовать ее метафизику как антидиалектику, объявив всю предшествующую философскую традицию метафизической, а свою философскую систему – диалектической [1, с. 133-147]. Однако гегелевская конструкция объективного идеализма, опираясь на принцип историзма и законы диалектики, тем не менее, сохранила в себе традиционные качества метафизики.

Метафизическая сущность с точки зрения классической философии выступает как априорное знание, как недоступная для чувственного созерцания реальность, как то, о чем мы можем только мыслить. Таковы основные понятия гегелевской философии. «Абсолютная идея есть для себя, потому что в ней нет ни перехода, ни предпосылок и вообще никакой определенности, которые не были бы текучи и прозрачны; она есть чистая форма понятия, которая созерцает свое содержание как самое себя» [Там же, с. 419]. Именно против такой метафизики выступил позитивизм.

Стремление классической, в том числе и гегелевской философии объяснить мир с точки зрения какой-либо метафизической сущности показало свою гносеологическую несостоятельность. С точки зрения современной науки, мир феноменален, и никаких универсальных сущностей не существует. В этом смысле позитивизм, ограничивший гипертрофированный рационализм классической философии и выступивший с антиметафизическими позициями, явился преодолением того тупика, в который зашла классическая философия.

Если в европейской философии преодоление метафизичности и гипертрофированного рационализма гегелевской философской концепции было осуществлено с антиметафизическими позициями позитивизма, то в России эту задачу выполнили народнические теоретики, опиравшиеся на позитивизм, в том числе Лавров.

Именно эта историко-философская коллизия преодоления абсолютизированного рационализма метафизической философией позитивизмом, имевшая огромное прогрессивное значение, проявилась в конкретном историческом частном случае – критике Лавровым системы Гегеля. Именно этот частный случай, рассмотренный в историко-философском контексте, является предметом нашей статьи.

Лавров критиковал гегелевскую философию как систему объективного идеализма, оторванную от реального процесса действительной жизни. Ограниченность гегелевской философии, по мнению Лаврова, заключалась в том, что «философия Гегеля не обнимает процесса жизни, она только обнимает мышление о жизни. Она есть частная философия, а не вся философия» [4, с. 505]. С позиций своего антропологизма, понимания человека как целостного существа Лавров был прав.

Главный упрек позитивизма в сторону метафизической философии заключался в оторванности от реальной науки, опирающейся на эмпирическое знание. Только в эмпирической проверке подтверждается истинность той или иной теории. Лавров в игнорировании Гегелем частнонаучного знания видел существенный признак схоластики и оторванности от науки его философии. Лавров оценивал гегелевскую систему как значительное историческое явление, именно историческое, то есть преходящее и к концу века утратившее свое влияние на умы людей.

Лавров ставил под сомнение всеобщность, универсальность гегелевской системы, претензии ее на раскрытие сущности вещей, на открытие всеобщих, универсальных законов развития. «Но главное очарование Гегеля заключалось в удивительной стройности целого, в простоте метода, в его безличности. Все сущее умещалось в три философских царства энциклопедии: в логику, в философию истории и философию духа», – так объяснял Лавров явление популярности Гегеля [Там же, с. 52]. Лавров отмечал, что «уже при его (Гегеля – А. Ю.) жизни господство его школы не было безусловно, и были люди, которые характеризовали его метод как “искусство заключать бессмыслицу в кратчайшие формулы”» [Там же, с. 55].

Универсальны ли гегелевские законы диалектики? Маркс воспринял их как универсальные и блестяще применил их к исследованию социально-экономической сферы общества в своем великом труде «Капитал», в советской философии они трактовались как универсальные законы и в настоящее время существуют в том же виде в современных учебниках [6, с. 366-371]. В определенной степени, в некотором приближении в своих законах Гегель отразил существенные стороны бытия. Гегелевская система была историческим этапом

освоения действительности, но по мере развития науки и философии науки – первого и второго позитивизма, оторванность гегелевской схоластики от реальной эмпирической науки становилась все очевидней. Поэтому критика Лаврова была, быть может, резкой, но по сути верной.

Была ли гегелевская система догматична? Претензия на универсальность и всеобщность ведет к догматизму, этот догматизм, логически вытекавший из абсолютизированного рационализма, наиболее ярко проявился в марксизме, согласно которому единая столбовая дорога ведет всех к коммунизму, а по Гегелю, к царству свободы.

В этом смысле следует рассмотреть вопрос о понимании Лавровым качественной разницы между наукой и догматом, наукой и верой. Наука для Лаврова – это достоверное знание, основанное на фактах, в науке обобщения, теоретические построения не должны отрываться от фактов. Если это происходит, то, по мнению Лаврова, кончается наука как форма достоверного знания, и начинается метафизика, которая предполагает сверхчувственное существование сущности и субстанции. В метафизических построениях «мышление становится не выводом из фактов, не обобщением фактов, но преобладающим элементом...» [3, с. 13]. В этом смысле характерно высказывание Н. К. Михайловского о том, что вывод Маркса о неизбежности коммунизма держится на конце гегелевской трехчленной цепи, но не имеет никакого отношения к действительности [5, с. 779]. Здесь мы видим, как позитивизм, взятый на вооружение Лавровым, качественно преодолевает метафизичность и догматизм гегелевской системы.

Можно ли познать сущность бытия? В этом вопросе Лавров преодолевает абсолютизированный рационализм и гносеологический оптимизм, разделяя агностицизм И. Канта, верно полагая, что сущность вещей непознаваема. «Весь мир вещества и мысли представляется нам в явлениях, но большая часть мыслителей приписывает ему некоторую неизменную и всеобщую сущность: эта мировая сущность, которая есть совокупность всех существующих качеств и принадлежностей, делающих из мира именно то, что он есть, получает название субстанции» [4, с. 98]. Субстанция, таким образом, выходит за рамки достоверных фактов, теряет с фактами связь. Для мыслителей-материалистов, по мнению Лаврова, эта субстанция мира есть вещество; для супранатуралистов – внемировое самостоятельное существо; для идеалистов-мыслителей – отвлеченная идея, дух, мысль, безусловное. В этом смысле Лавров, как человек действительно занимавшийся наукой, мыслил в правильном направлении.

Отношение Лаврова к гегелевской системе отличается от отношения к ней Фейербаха. И эта разница обусловлена влиянием позитивизма на мировоззрение Лаврова. Когда Фейербах в работе «К критике философии Гегеля» (1839) отмечал, что гегелевская философия тождественна теологии, то он обращал внимание на ее идеалистический характер, отмечая, что не в идее, а в реальном мире, в частности, в человеке заключена сущность, субстанция. Лавров же, ставя знак равенства между гегелевской системой и теологией, отрицал, под влиянием И. Канта и позитивизма, существование вообще какой-либо субстанции, материальной или идеальной. «Безусловное», по мнению Лаврова, является отличительной чертой всех метафизических систем, идеалистических, включая гегелевскую, материалистических, включая марксистскую. «Выделяя из какого-либо понятия все условия, его ограничивающие, мы приходим к отвлеченному понятию безусловного, в котором вместе с его ограничением исчезло существование. Но большая часть мыслителей воображает себе, что тем не менее есть существо, которое, обладая неограниченностью этого отвлеченного понятия, в то же время существует, это существо есть причина всего ограниченного, но безусловно существующего в мире. Вот это-то существо называют безусловным, абсолютным (das Absolute). Его одни полагают недостижимым для мысли, другие – достижимым только как предел бесконечного, третьи – присутствующим в мысли, четвертые просто отрицают» [Там же, с. 99]. Таким образом, если для Фейербаха суть критики Гегеля лежала в рамках основного вопроса философии, то для Лаврова суть критики находилась в гносеологической плоскости, в отрицании с позиции агностицизма абстрактных метафизических сущностей. Причем агностицизм Лаврова распространялся как на идеалистические, так и на материалистические системы.

С точки зрения современного состояния философской науки и общественной практики позиция Лаврова, на наш взгляд, была исторически прогрессивной, находилась в русле развития мировой философской мысли. Гегелевская система есть претензия на познание сущности мира и открытие универсальных, всеобщих законов. Марксизм в определенной степени ограничил гегелевский панлогизм, введя понятие практики, но в главном, в утверждении, что всеобщие законы открыты, остался в рамках гегелизма. Раз законы открыты, то мы можем конструировать социальную действительность. В основе социального конструктивизма марксизма лежал гегелевский панлогизм, который, по сути, верно критиковал Лавров.

По мнению Лаврова, бессмысленно спорить о метафизических сущностях, «это догматы, до которых науке нет никакого дела. Поэтому гегелевская система есть религия, в которую можно верить. В религии не может быть различных мнений потому, что истинная религия одна; все остальное есть ересь, заблуждение, царство лжи. Кто отпал от одного догмата, тот вышел из круга верующих и подлежит осуждению...» [Там же, с. 91]. Подобное превращение идеи в догмат, по мнению Лаврова, существует у Гегеля. «Бездокзательное начало, таинственное соединение несоединимого, фанатическое преследование противников, наконец, наклонность к основному началу всякого человеческого верования – к авторитету, не суть ли это явные признаки догматического, ненаучного характера гегелизма?» [Там же, с. 93].

Критикуя гегелевскую систему, Лавров пытался раскрыть механизм превращения научной теории в догмат. В каждом учении, полагал мыслитель, в каждой научной теории следует строго разделять то, что составляет достояние науки, от гипотетических оснований научной поэзии. Теория отрывается от действительности

и переходит в область фантазии, затем приобретает статус безусловного знания, становится предметом верования. «Но нигде этот процесс не происходил так полно и совершенно, как в гегелизме. Здесь дело шло не о частной теории, не об одном из начал человеческой деятельности, но о построении всеобъемлющего здания системы, удовлетворяющей всем требованиям человечества» [Там же].

Гегелевская система, согласно логике мысли Лаврова, обусловлена конкретно-историческими условиями, более того, она есть результат этих условий. На наш взгляд, гегелевская система есть результат развития европейской рационалистической традиции, характерной чертой которой являлась безграничная вера в человеческий разум. Именно в гегелевской системе произошли абсолютизация человеческого разума, превращение его в самостоятельную сущность, в объект поклонения. Гегель создал то, что от него ждало европейское образованное общество. «И “Логика” созерцали, ей верили, ей удивлялись. Сущность вещей была раскрыта. Из развалин прекрасных надежд конца XVIII века и героических порывов перестроения действительности человечество выносило одну надежду, один кумир – всемогущую мысль, всеильную идею...» [Там же, с. 152]. Гегелевская система, согласно логике мысли Лаврова, была так восторженно принята, потому что давала однозначный ответ на вопрос, на который, с точки зрения И. Канта и позитивизма, ответа быть не может. «Время науки еще не настало, и гегелева философия духа восхитила читателей. При падении всех храмов как было не войти с благоговением в великолепный храм безусловного? Когда так слабы были голоса всех проповедников, как было не послушать того, который обещал так много и требовал, по видимому, так мало мысли?», – писал Лавров [Там же, с. 173]. На основании этого Лавров делал вывод о том, что гегелевская система – не научная теория, а догматическое верование. Основным выводом Лаврова заключался в том, что «гегелизм есть историческое явление, отжившее свое время, как все отживает в истории. Мистический безусловный разум не имеет более прав на обожание...» [Там же, с. 336]. Гегелевские законы не имеют всеобщего характера. Его диалектический процесс, согласно логике мысли Лаврова, рухнул как безусловная истина, потому что он есть истина частная, истина историческая, принадлежащая истории личного духа как истории народов.

Каково отношение Лаврова к диалектическому методу? Диалектика и диалектический метод, по мнению Лаврова, имеют право на существование, но возможности их ограничены. Лавров верно обратил внимание на противоречие, отмеченное классиками марксизма, между методом и системой Гегеля, верно отмечал, что диалектика была ограничена системой, поскольку метод служит доказательством заранее поставленной цели, а цель ставит предел существования метода. Кроме того, Лавров верно обратил внимание на то, что безграничное применение диалектического метода приводит к софистике. Если сам Гегель, по мнению Лаврова, применял диалектический метод весьма осмотрительно, то «его последователи шли с диалектическим методом, как с волшебным жезлом, к открытию всех возможных сокровищ истины. Формальная логика была в полном пренебрежении. Все определения и разграничения перепутались, особенно когда сменяющиеся поколения более и более отдалялись от источника» [Там же, с. 174].

Критика Лавровым гегелевской системы была исторически прогрессивной, находилась в русле развития европейской философской мысли. Гегелевская философия есть действительно предельная абсолютизация рационализма. После Гегеля иррационализм выступил с открытой критикой гегелевского рационализма, а позитивизм резко ограничил рамки рационального. Лаврову в этом движении и развитии европейской философской мысли импонировала позиция позитивизма. Если рассмотреть контекст русской социально-философской мысли, то критика гегелизма Лавровым, по сути, его отрицание, имели знаменательное значение, поскольку гегелизм являлся теоретическим источником марксизма. Те русские мыслители, которые опирались в своих концепциях общественного развития на гегелевскую диалектику, были ближе к марксизму. Лавров в истории русской философии знаменует отказ от гегелизма как теоретической основы построения социальной философии. Это позволяет сделать вывод о том, что в рамках русской традиции Лавров не был историческим предшественником марксизма. От Лаврова начинается направление русской социально-философской мысли, опирающейся на различные школы позитивизма. Линия эта ведет к Н. К. Михайловскому, Н. И. Карееву, М. М. Ковалевскому.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1.
2. Лавров П. Л. Предисловие редактора // Милль Дж. Ст. Система логики. СПб. – М., 1878. Т. 1.
3. Лавров П. Л. Сочинения. Пг., 1917. Сер. 3. Вып. 1.
4. Лавров П. Л. Философия и социология. М., 1965. Т. 1.
5. Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. СПб., 1909. Т. 7.
6. Философия / под ред. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова. М., 2001.
7. Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983.
8. Юдин А. И. Идея прогресса в философии русского народничества // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (79). С. 184-189.
9. Юдин А. И. П. Л. Лавров о значении критической мысли // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10). Ч. 1. С. 202-206.
10. Юдин А. И. П. Л. Лавров о понимании закона в истории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31). Ч. 1. С. 207-212.

P. L. LAVROV AND G. W. F. HEGEL: POSITIVISM AND ABSOLUTE RATIONALISM

Yudin Aleksandr Il'ich, Doctor in Philosophy, Professor
Tambov State Technical University
ayudin51@mail.ru

The article deals with P. L. Lavrov's criticism of G. W. F. Hegel's idealistic metaphysical system from the positions of positivism. From the points of view of criticism and agnosticism Lavrov questioned the claim of Hegel's system for generality, universality, the ability to know the essence of things. Lavrov made the correct conclusion that absolute rationalism leads to dogmatism. Marxism dogmatism logically comes from the dogmatism of the Hegelian universalism. Lavrov's positivism overcame the deadlock, into which the Hegelian system came.

Key words and phrases: populism; anthropologism; criticism; positivism; epistemological optimism; agnosticism; essence and phenomenon; absolute rationalism; dogmatism.